

Суммируя все вышеизложенное, следует отметить, что языковой портрет голландца глазами англичан не содержит информации о месте проживания и внешности. Весьма немногочисленно представлены гастрономические предпочтения и особенности речи (соответственно 3 и 1 этнонимические единицы в устойчивых словосочетаниях). В результате анализа этнонима и его дериватов были выявлены мотивы агрессивности, непредсказуемости, пьянства, глупости и скупости. Характерной и значимой особенностью реконструированного языкового образа является обилие таких отличительных черт как непонятность, неправильность, убогость, ложность, что свидетельствует о его значительном сходстве с архетипическим образом “чужого” в обыденном сознании. Негативные коннотации, присущие подавляющему большинству случаев употребления этнонимов выявляют общую субъективную оценку носителей языка. Однако баланс негативных и позитивных коннотативных оттенков экспрессивных этнонимов может меняться в зависимости от исторической эпохи, экономической и политической ситуации.

Источник и литература

1. Березович Е.Л., Гулик Д.П. Ономазиологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации//Встречи этнических культур в зеркале языка. – М.: Наука, 2002. – С.232–253.
2. Воронцова Ю. Б. Коллективные прозвища в русских говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю. Б. Воронцова ; Урал. гос. Ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 21 с.
3. Кашкин В.Б., Пейхёнен С. Этнонимы и территория национальной души// Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – С. 62–70.
4. Roback A.A. A Dictionary of international slurs (ethnophaulisms) / With a supplementary essay on aspects of ethnic prejudice. – 2 nd edition, reprint. – Waukesha (Wisconsin): Maledicta Press, 1979.
5. Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English: Colloquialisms, Catch-phrases, Solecisms and Catachreses, Nicknames and Vulgarisms. N.Y., 1983
6. The American Heritage Dictionary of the English Language. – 4th edition, New York, 2000. – 8652 стр.
7. Rawson's dictionary of wicked words. – New York: Crown Publishing, 1989
8. Urban Dictionary: Street Slang Defined by Aaron Peckham. N.Y., 2004
9. Multitran Automatic Dictionary <http://www.multitran.ru>
10. Morris Dictionary of Word and Phrase Origins. 2nd edition: Harper and Row, 1988.
11. Encyclopedia of Word and Phrase Origins by Robert Hendrickson (Fact on File), New York, 1997

Мазинов А.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРЕЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ КРЫМА

Постановка проблемы. Исследование случаев морфологической и лексико-семантической трансформации заимствованных лексем в крымскотатарском языке и в других тюркских языках Крыма – достаточно сложная и неоднозначная задача. Какие из имеющихся случаев трансформации необходимо отнести к фонетическим изменениям, и какие виды адаптации заимствованной лексики можно определить как морфологическую трансформацию? Задача осложняется отсутствием достаточно чёткого определения понятия «морфологическая трансформация». Какие критерии следует использовать при классификации случаев лексико-семантической трансформации?

Цель данной статьи – описание основных случаев морфологической и лексико-семантической трансформации грецизмов в региональных языках Крыма.

Как одну из первых попыток описания морфологической обусловленности, вероятно, следует рассматривать высказанное на Первой международной конференции по историческому языкознанию, проходившей в 1973 году в Эдинбурге, Л. Кемпбелом мнение: «... автор приходит к выводу о необходимости оговорки в связи с понятием морфологической обусловленности звукового изменения. Влияние морфологии не является самостоятельным фактором и должно получить функциональное объяснение. Сущность морфологической обусловленности автор видит в том, что она вступает в действие лишь тогда, когда ничем не ограниченное звуковое изменение грозит уничтожить важное морфологическое различие» [1, с. 92].

На наш взгляд, именно грамматическая обусловленность изменений, произошедших в выделенных грецизмах и итализмах, позволит говорить о морфологической трансформации заимствованных слов.

В работах А.М. Меметова в качестве морфологической трансформации рассматривается функционирование заимствований в крымскотатарском языке, грамматическое изменение слов при их употреблении в речи носителей [2]. А.Н. Гаркавец под морфологической трансформацией подразумевает восприятие тюркскими языками тех или иных морфологических черт соседствующего греко–румейского языка (утрата отдельных падежных форм и др.) [3, с. 54].

При определении случаев морфологической трансформации возникает проблема дефинирования конечных гласных звуков и слогов в крымскотатарских заимствованных лексемах, возникших в результате замены греческих и итальянских окончаний как ауслатных слогов или как полноценных аффиксов, имеющих грамматическое значение. В первом случае, как уже отмечалось, трансформацию необходимо будет трактовать как сугубо фонетический процесс, во втором случае мы имеем морфологическую трансформацию

цию, так как конечные слоги будут нести определённую грамматическую нагрузку. Повторяемость, активное использование некоторых таких слогов и наличие в них определённой семантики (например, значения предметности) позволяет предположить в данных лексемах фоно–морфологическую трансформацию. Наиболее продуктивен и показателен в этом случае слог *ан*, заменяющий различные итальянские и греческие флексии. Близок к нему по свойствам ауслатный *–ef* и многие одиночные конечные слоги, в которых можно выделить дополнительный оттенок значения предметности:

λιμενος – лиман ‘залив’, ταβανι – таван ‘потолок’, тралео – тарпан ‘ёмкость для выжики винограда’, кераμис – керамит ‘черепица’, λαμπρη – лампат ‘лампа’, καλλιос – калтин ‘тапочки’, αντερι – антер ‘платье’ (наряду с дефтер ‘тетрадь, миндер ‘тюфяк’) и другие. Например: Акъ антерин догмели [4; с. 74]

Все приведённые примеры входят в ряд тюркских лексем с аналогичными ауслатными слогами.

Наиболее бесспорный случай морфологической трансформации – грамматически обусловленный; это группа глаголов, образованных присоединением к греческой основе аффикса *–макъ*. При этом следует отметить случаи присоединения аффикса *–макъ* как к основе греческого существительного: *καλιμματιον* ‘кипич’ – кьаламакъ ‘делать кладку’, например: дуварларны кьаламакъ..., так и к глагольной основе: *αναφυσάω* – фысхыртмакъ//фышкыртмакъ ‘выдувать водяную струю’. Если при дальнейших исследованиях будет подтверждён случай *котто* – кьопармакъ ‘отрывать’, он также может быть введен в этот ряд глаголов.

Итак, трансформация или замена ауслатного слога – достаточно спорная форма изменения заимствований. Возможно, её следует определить как промежуточную или комплексную трансформацию заимствованной лексики, требующую отдельного, более углублённого и точного исследования выделяемых компонент.

Отдельным видом подобной трансформации является утрата конечного слога в крымскотатарских словах. И в этом случае возникает вопрос: является ли отпадение конечных слогов и отдельных звуков фонетическими изменениями в чистом виде или возможно выявление некоторых факторов, позволяющих предположить элементы морфологической трансформации?

Анализ лексем, полученных усечением конечного безударного слога (нескольких слогов) или звука, позволяет определить выделенные изменения как фонетическую трансформацию, так как эти изменения, в большинстве случаев, грамматически не обусловлены.

Следует отметить разную степень продуктивности тюркских аффиксов и ауслатных слогов в греческих заимствованиях.

Большая часть выделенных лексем фонетически трансформирована и сохраняет лишь основу заимствованного слова, за исключением небольшого количества примеров, сохранивших греческую флексию, таких, например, как описанное ранее устаревшее слово *Αβγυτος* или узкодиалектные *патотес* ‘картофель’, *доматес* ‘помидор’. Например: *Αβγυτоста джыялар пишкен кьавун...* [4, с. 271].

В крымскотатарском языке (аналогично в урумском и караимском) греческие и безударные итало–романские окончания усекаются полностью или заменяются тюркскими аффиксами или ауслатными слогами. При этом часто происходит озвончение конечного согласного и к основе прибавляется ауслатный *a* или *e*. Кроме этих случаев сложно выделить ауслатный слог, который регулярно использовался бы для образования крымскотатарских существительных и прилагательных. Большинство из выделенных в заимствованиях ауслатных слогов были отмечены в единичных примерах. Вероятно, при полной выборке заимствованной греческой лексики количество лексем с идентичными ауслатными слогами увеличится. Существует необходимость классификации утраченных конечных безударных слогов и звуков в итало–романских заимствованиях и утраченных или заменённых конечных слогов в грецизмах как наиболее часто встречающийся вид трансформации и определить их влияние на семантику заимствований.

Достаточно продуктивен отмеченный аффикс *–макъ//–мек* в глаголах, образованных от греческих и итало–романских корней, наряду с аналитическими глагольными формами, которые образуются присоединением вспомогательного глагола *эммек*. Например, *вафтиз эммек* ‘крестить’, *лаф эммек* ‘разговаривать’ и другие.

На основании вышеуказанных особенностей следует предположить ещё одну закономерность, связанную с функционированием заимствованных слов: использование малого количества словообразующих аффиксов (практически единственного) не приводит к значительной морфологической трансформации заимствованных лексем. Наряду с этим следует отметить свободное присоединение формообразующих аффиксов, что на фоне сохранения лексико–грамматической принадлежности большинства заимствований позволяет им свободно входить в состав синтаксических конструкций крымскотатарского языка.

По способу трансформации конечного слога греческих заимствований выделяются следующие группы слов:

а) лексемы, полученные при утрате греческих окончаний и конечных звуков: *μανταρι* – мантар ‘гриб’, *λιμενος* – лиман ‘залив’, *αντηρον* – антер ‘платье’;

б) лексемы, полученные прибавлением аффикса *–макъ*: *αφυλακτεω* – афырмакъ ‘лаять’, *καλιμματιον* – кьаламакъ ‘выкладывать’, *αναφυσάω* – фысхыртмакъ ‘разбрызгивать’;

в) лексемы, полученные при замене греческих *–ос* и *–а* ауслатным крымскотатарским *–е*: *κοπρος* – кобре ‘удобрение’, *кастанайков* – кестане ‘каштан’, *φυτος* – фиде ‘рассада’, *παλαδια* – пападие ‘ромашка’ и др.

Наряду с преимущественной фонетической трансформацией заимствований следует отметить большое количество примеров трансформации лексического значения грецизмов. Лексическое значение слов, обозначающих заимствованные природные и бытовые реалии, понятия этнического, культурного и конфессионального плана, в принимающем языке частично видоизменялось, в соответствии с особенностями миро-

восприятия носителей тюркских диалектов. Наличие отдельных эндемичных растительных форм или ландшафтных образований приводило к образованию нового оттенка значения.

В результате исследования выделенных грецизмов были определены следующие случаи трансформации лексического значения:

1. Частичное изменение значения:
каџара//каџарџ ‘сводчатая комната’ – *къамере* ‘беседка, ниша’
кџерасос ‘вишня’ – *крез* ‘черешня’
каџос ‘ваза, кувшин’, *кџаџос* ‘чашка, чаша’ – *къаде* ‘рюмка, чаша’.
2. Название предмета или растения по смежности:
џематос ‘пути’ – *џемет* ‘связка, пучок’ (листьев табака).
3. Название предмета, лица по признаку:
џантџомџџџ ‘с крючковатым носом’ – *џандџалос* ‘домовой’
каџаси ‘решётка, клетка’ – *къаџес* ‘грудная клетка’;
4. Уточнение, сужение значения заимствованного слова от общего к частному, от категориального к единичному:
лаџанон ‘огородное растение’ – *лаџана* ‘капуста’; *карџос* ‘плод’ – *карџасне* ‘шишка’ (еловая); *карџос* ‘плод’ – *къарпыз* // *къарпуз* ‘арбуз’.
5. Появление дополнительного значения в греческих заимствованиях:
лаџлџџ ‘факел, свет’ – *лампа//лампад//ламбат* ‘лампа, маяк’
џотос ‘растительный’ – *џиде* ‘рассада’, *џидан* ‘отросток’.
6. Расширение значения исходного слова:
соџрас ‘круглый обеденный стол, стол для еды, сидя на полу’ – *соџра* ‘обеденный стол, стол, накрытый для еды’.

Различные примеры лексической трансформации обусловлены рядом экстралингвистических факторов: конфессиональной спецификой принимающих крымских субэтносов, особенностью восприятия или использования предмета (понятия) носителями крымскотатарского языка, промежутком времени функционирования лексемы в крымскотатарском языке и др.

Следует отметить случаи, когда заимствованные слова подвергаются нескольким видам трансформации. В отдельных примерах наряду с несколькими видами фонетической трансформации происходит изменение исходного морфологического и лексического значения. Такое сочетание различных видов трансформации следует определить как комплексную трансформацию заимствованной лексемы. Например, греческое *калџиџиџиџиџ* ‘кирпич’, являющееся одним из возможных исходных вариантов к крымскотатарскому *къаламакъ* ‘строить, возводить стену, делать кладку’. Наряду с фонетической трансформацией: утратой удвоенного согласного и прогрессивной гармонией гласных – в данном примере существует реальный показатель морфологической трансформации: замена окончания *-он* и части основы тюркским аффиксом *-макъ*, меняющим лексико–грамматический класс заимствования. Морфологическая трансформация данного заимствования приводит к частичному изменению лексического значения, при этом сохраняется связь с исходным словом по смежности значений, то есть происходит лексико–семантическая трансформация.

При дальнейшем исследовании заимствований возможно выделение ряда подобных случаев комплексной трансформации. Вероятно, следует говорить о существовании шаблонов, схем заимствования и трансформации лексики греческого и итало-романского происхождения.

Таким образом: в крымскотатарском языке (как и в урумском и караимском языках) в заимствованных лексемах связь между фонетической и лексической трансформацией не столь существенна, так как фонетические изменения происходят вследствие адаптации иноязычной лексики к фонетическим нормам принимающего языка без существенного изменения лексического значения.

Сложно установить и обратную связь: различные примеры трансформации лексического значения заимствований не имеют сколько–нибудь общего группового фонетического выражения этих типов трансформации. Так, характерное греческое окончание *-ос* отбрасывается в словах, вошедших в группы с частичным изменением значения, с названием предмета по смежности, сужением значения исходного слова и в лексемах с появляющимся дополнительным значением. Существует ряд подобных примеров фонетической трансформации, общих для нескольких групп слов с различными видами трансформации лексического значения.

Источники и литература

1. Кэмпбел Л. Об условиях звукового изменения // Общественные науки за рубежом. Реферативный журнал «Языкознание». – Серия 6. – 1976. – № 2. – С. 92.
2. Меметов А.М. Иноязычные заимствования в крымскотатарском языке: Материалы к спецкурсу по лексике крымскотатарского языка. – Ташкент: Изд.-во Таш ПИ, 1990. – 121с.
3. Гаркавец А.Н. О происхождении и классификации урумских говоров Северного Приазовья // СТ. – 1981. – №2. – С. 46 – 58.
4. Манелер ве чинлер. Топлагъан ве ишлеген Р. Фазыл. – Ташкент: Изд.-во им. Г. Гуляма, 1975. – 370 с.